

Надежда Хвощинская

БРАТЕЦ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Х34

Хвоцинская Н.

Х34 Братец / Н. Хвоцинская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 130 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72641-2

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Надежды Хвоцинской «Братец».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72641-2

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Братец	5
Вьюга (отрывок).....	88
После потопа	106

БРАТЕЦ

I

Сельцо Акулево всего в двадцати верстах от губернского города N, но лежит оно на проселке, окружено оврагами; на пути, к нему находятся два косогора и один страшно крутой спуск к реке, так что сообщения с городом N и вообще с остальным населенным миром весьма затруднительны, а в грязные времена года почти невозможны. Но сельцо очень давно существует на свете, продолжает процветать — стало быть, жители его не чувствуют неудобств своей пустыни, не нуждаются в городе. Сельцо принадлежит помещикам, нескольким поколениям господ Чиркиных, в которых страсть к домоседству сильнее с каждым поколением. Предпоследний владелец поселился в деревне с того дня, когда, как водится, вышел в отставку из военной службы и женился, — то есть с лишком сорок лет назад; он выезжал из Акулева только через три года один раз, в N на выборы, и еще один раз, экстренный, когда провожал своего десятилетнего сына, которого один родственник увез из Акулева с собою в Петербург учиться. При такой недеятельности, конечно, не могло увеличиваться состояние г-на Чиркина; даже деревенские доходы его не увеличивались ни в Акулеве, его резиденции, ни в двух других деревнях в смежной губернии,

в которые он никогда не заглядывал. За пятнадцать лет до начала этой истории он умер, оставив жене, трем дочерям и сыну все эти имения, — правда не в долгах, но уже несколько не устроенные. Он выразил свою заботу о будущем только тем, что, умирая, отделил сыну и старшей дочери, уже совершеннолетним, их части имения, назначил части двум меньшим дочерям и поручил опеку жене своей, их матери, которой завещал Акулево.

Любовь Сергеевна Чиркина осталась жить там с дочерьми. Сын уже давно кончил курс и служил в Петербурге; с тех пор как его отвезли учиться, он приезжал домой только раз, на одну вакацию; но, узнав о смерти отца, поспешил приехать, чтобы успокоить мать и вообще распорядиться. Нельзя сказать, чтоб его приезд подействовал успокоительно: человек молодой (Сергею Андреевичу было тогда двадцать пять лет), воспитанный далеко от деревенской глуши, он имел свои понятия и свой взгляд на вещи, был несколько строг и несколько взыскателен, а к этому в Акулеве не привык никто. Он удивлял своим знанием производительных сил этого угла земли и так требовал, видимо, должного, что противоречить ему не было возможности. Впрочем, кто бы и стал ему противоречить? Мать была взволнована познаниями и величием сына, но вместе с тем так обрадована свиданием с своим Серженькой после долгой разлуки, что могла только умиляться до слез, глядя на него, и рассказывать посторонним о его служебных подвигах с таким же восхищением, с каким, бывало, рассказывала она остроты и успехи его детского возраста. Сергей Андреевич был сынок, выпрошенный у бога. Его старшая сестра, Прасковья Андреевна, годом прежде его явившаяся на свет, была встречена очень

неприветливо родителями, мечтавшими о сыне. Его начали обожать с колыбели, и судьба делала все, чтоб оставить за ним одним это обожание: шесть сыновей, родившихся потом от счастливого брака Чиркиных, умерли все, даже не достигнув периода занимательности, периода первого смысла, так что о бедных детях не могло остаться и ясного воспоминания... Можно вообразить отчаяние Любви Сергеевны, когда пришлось расставаться с этим сокровищем, с Серженькой, и отпускать его вдале, в ученье! Серженька писал редко: у него и в гимназии постоянно недоставало времени, а позже — и говорить нечего. Но он аккуратнo помнил дни рождения и именин родителей и умел приноровить так, что поздравления его получались в самый день торжества; если же письма должны были опоздать или прийти ранее, по расчету почтовых дней, Серженька пользовался этим случаем для какой-нибудь особенной любезности. «Ранее всех и первый бросаюсь я в ваши объятия, дражайшие родители...» Или: «Теперь, когда давно кругом вас затих шум поздравлений, радуюсь, что моего голоса не заглушит более голос посторонних...» — и прочее. Сергей Андреевич не думал или не помнил, что «посторонними» называл своих сестер...

Он знал их мало, но они хорошо его помнили. Когда он приезжал на вакацию, ему было девятнадцать лет, его сестрам — двадцать и одиннадцать; третьей еще не было на свете. Он сказал только сестре Вере, что она ничего не знает и неграциозна, и заметил (при родителях) сестре Прасковье, что она могла бы заняться ребенком, что долг женщины любить детей и заботиться о них. Мать ахала от ума и сердца Серженьки. Маленькая Вера стала его бояться, убегала, встречаясь с ним в саду, а случалось, и пряталась. Прасковья

Андреевна, скучая, как скучала бы всякая молодая девушка, осужденная провести лучшие годы молодости в забытой, глухой деревне, отважилась поговорить с братом; он был так учен, а у нее, несколько месяцев назад, была гувернантка — невежда, но добрейшая девушка, которая ничему не учила свою воспитанницу и вместе с нею читала самые чувствительные стихи и восторженные, хотя и нравственные романы. Гувернантке отказали, под предлогом дороговизны и того, что Прасковья Андреевна сама может заниматься меньшей сестрой. Знал ли эту причину Сергей Андреевич, рекомендуя сестре это занятие, или ему вошло в голову сказать это так, от дидактического настроения, но он попал на мысль и на желание родителей. Он как-то умел всегда попадать так ловко... Гувернантке отказали еще потому, что надо было посылать больше денег Сергею Андреевичу, переходившему на высшие курсы... Сестра знала эту причину. Выросшая среди хозяйства и счетов, она знала этот расчет, знала и то, что можно было бы оставить ей подругу, не разоряясь и не заставляя брата стесняться в чем-нибудь... да не беда была бы и отказать немного братцу: он не один! Впрочем, дав как-то однажды этой мысли пройти в голове, Прасковья Андреевна не возвращалась к ней больше, а, напротив, старалась пользоваться приездом брата, чтоб сблизиться с ним. Она попробовала говорить ему о чувствах, о своей скуке... Сергей Андреевич шутил, смеялся, наконец строго сказал сестре, чтоб она не дурачилась. Они расстались не холодно, не принужденно, а как-то странно... Прасковья Андреевна вздохнула свободнее с отъездом брата, но горько думала, как им могло бы быть хорошо вместе и... почему же было дурно?..

Потом, через несколько месяцев, когда у молодой и хорошенькой затворницы промелькнула мечта первой любви — что-то далекое, смутное, чему было не суждено ни объясниться, ни осуществиться, когда на душе у нее стало и больно и весело и захотелось поделиться с кем-нибудь этим счастьем и горем, Прасковья Андреевна принялась думать о брате с нежностью и раскаянием... ей казалось, будто он был добр, ласков, внимателен... он так умен! Она решилась и написала ему письмо, полное самых милых, трогательных и наивных полупризнаний, самых горьких, потому что покорных, жалоб на скуку и пустоту жизни, на скуку и прозу житья-бытья, на недостаток дружбы и общества... Это письмо было отправлено потихоньку, один бог знает с каким страхом. Для ответа Прасковья Андреевна давала брату адрес жены конторщика, старухи, которая ее любила, единственной посторонней, которая была близка к ней.

Прасковья Андреевна ждала ответа и дождалась его скорее, нежели думала. Родители получили письмо от Серженьки. Уведомив о своих успехах и передав отцу поклоны совершенно не знавших его начальников, а матери поклоны начальниц, не подозревавших ее существования, описав высоким слогом погребение какого-то важного лица, Сергей Андреевич извинялся, что должен оставить приятную беседу с бесценными виновниками своего бытия и исполнить весьма горестный для него долг — отвечать сестре на ее письмо, которое его удивило...

Как поразили эти строки Прасковию Андреевну, которой приказывалось всегда читать вслух письма Серженьки! Каково было ей прочесть длинейшее, черствое, злое наставление, полное насмешек, желчи, желания поучить и вы-

сказаться!.. Ей ничего не досталось за эту открытую тайну, не досталось потому, что тайны ее и она сама не считались большой важностью; но в ее житье-бытье ухитрились прибавить еще стеснения, с ней стали еще строже... Прасковья Андреевна, конечно, не умела разобрать своего чувства, но она разобрала, что у нее душа не лежала к братцу.

Так началось их знакомство; позже, когда Сергей Андреевич приехал в деревню после смерти отца, он застал старшую сестру еще не устаревшую, конечно, но тихую, молчаливую, так что нельзя было ни отгадать, ни понять, что она думала или чувствовала. Весь дом молчал — не от одной горести о смерти главы дома, но потому, что молчание было в привычке. Вторая сестра, Вера, семнадцатилетняя девушка, некрасивая и болезненная, была так робка, что краснела и смущалась от всякого слова; третья, Катя, пятилетняя девочка, совершенно незнакомая брату, воспитывалась в строгости и повиновении и находила защиту и ласки только у одной старшей сестры своей. Из чувств Прасковьи Андреевны можно было подметить только одно: она до безумия любила Катю. Меньшая сестра годилась бы ей в дочери; Прасковья Андреевна соединила в своем почти материнском чувстве все сожаление о своем тяжело пережитом детстве и даром прожитой молодости, все горе о холодной пустоте настоящего. Она немногому могла учить Катю и не требовала, чтоб она училась: ей было жаль заставлять ребенка трудиться; она думала только о том, чтоб этот ребенок был весел, был счастлив как-нибудь, чем-нибудь; она наряжала его, как могла... потому что у двадцатипятилетней девушки не было ничего в распоряжении, и она, бывало, должна вырабатывать, чтоб